

— Ах... старшая Калла, — Лазан с улыбкой ответил. — Я совсем не думал, что ты всего лишь первокурсница.— Ох, бедняжка, — она фыркнула. — Ну что ж, позволь старшей сестре тебя обучить, а? — сказала она, садясь рядом с ним на скамьи в главной молитвенной комнате.— Видишь ли, Ученые и Воины всегда были врагами из-за своих различий. Воины думают телом, а Ученые — умом.— Они ненавидят друг друга, как кошки и собаки. То же самое и с нами, Художниками и Монахами.— У большинства Художников — фокус магии иллюзии. Ты замечал? — спросила Калла.Лазан чуть отстранился от нее.— Да. И?— Ну, многие монахи верят, что есть люди, рожденные для добра и милосердия. Как маги-герои. Она провела пальцем по своим волосам.— А есть люди, рожденные со злыми намерениями. Которые могут выжить только обманом. Как мы, маги-иллюзионисты.— Но я — морфо-маг, который превращает написанные мной ноты в музыку, старшая Калла, — сказал Лазан.Она прищурилась. (Этот парень правда думает, что может меня обмануть? Я знаю, что это он.)`Лазан` усмехнулся про себя. Эта хитрая ведьма.Ронену действительно не нравилась эта ведьма, но он не мог недооценивать ее невероятные наблюдательные способности.Она должна была понять, что это он, увидев, как `Лазан` каждый день уходил из Банкетного Дворца во время обеденного перерыва, и последовал за ним.(Но хорошо, я поиграю. Хочу узнать, почему он так одержим этим принцем из Сцирокко, даже больше, чем мною).— Ах, простите, ошибка моя, — небрежно махнула рукой Калла. — Итак, для нас, иллюзионистов, мы несчастливы. Не говоря уже о нас, артистах.— Нас судят по нашей способности воссоздавать красоту человеческой жизни в наших пьесах и выступлениях.— А под «человеческой жизнью»... я имею в виду, что мы показываем и хорошее, и плохое. — Понимать плохое, стараться понять, что его порождает... Что дает ему жизнь. Стараться поместить зрителя в сознание злодея. — Монахи думают, что мы пытаемся сделать людей злыми. Вот почему мы так нечисты.Лазан фыркнул.— Разве они не знают о разделении искусства и реальности? — О, нет, не знают. Понимаешь, они верят, что все искусство, все прекрасное... должно быть прекрасным определенным образом. — Божественные статуи прекрасны. А обнаженные и чувственные — нет. Добрая, добрая и смиренная персона — прекрасна. Злая, злая и амбициозная — нет.— Я не красива для них, — ухмыльнулась Калла, забирая у него зеркало. — Не достаточно красива для их идеального золотого мальчика.— Зерьяв несколько раз называл меня ведьмой и обольстительницей. В принципе, любую девушку, которая оказывается рядом с Цермином. Она театрально вздохнула. — Даже мою бедную, милую Эдельвейс! Моя принцесса ничего плохого не сделала, по сути, ее обидели!Ее тон затем сменился на более сумасшедший.— А потом он заявил, что она, должно быть, соблазнила его. Что она принесла в него демона, и поэтому это ее вина.Она повернулась в сторону, когда что-то привлекло ее внимание.— Ах, но она кажется достаточно красивой даже для Зерьява. Такая чистая и нежная.Ронен тоже повернулся.Идя легким шагом по каменным полам пещерного храма, ее шаги раздавались эхом, когда она проходила мимо...Была девушка с розовыми волосами, цвета закатного неба.Ее глаза сияли, как яркие синие воды, а ее кожа...Ее кожа была как солнце, медленно заходящее за эти воды.Ее вуаль, должно быть, была белыми, как серебро, облаками, похожими на вуаль монахини. Только она была чисто белой, а не черной, и гораздо длиннее и тоньше.Также она была украшена вышивкой из различных цветов и бабочек. Достигала пола, как фата невесты.Ронену показалось, что он уже где-то видел ее наряд.Да... он очень напоминал одежду Мадонны на статуе Микеланджело "Пьета".Только капюшон не закрывал ее волосы, и она была гораздо моложе, чем статуя Девы Марии.Ее лицо тоже имело ту же ауру, что и статуи Девы Марии. Они всегда казались покорными, тихими и грациозными.Зерьяв и Цермин как раз вышли из дверей храма Демитрия, и их встретила эта таинственная женщина.— Небеса благословят тебя, брат Мондштейн, — она поклонилась Зерьяву. — И твоего гостя.Цермин был мгновенно очарован этой женщиной, полностью застыл, как статуя.— Сестра Розенаур, — он поклонился в ответ. — Это принц Цермин Дрихшпиль из Сцирокко.Он собирался представить их друг другу.— Цермин, это причина, по которой я воздерживаюсь называть тебя «Золотым».— Ту, которую мы называем "Золотой" в Храме, звали Сестра Маригольд Розенаур. Жрица, готовящаяся служить

Богине Зеле. Маригольд слегка усмехнулась, очень вежливо, как истинная леди голубых кровей.— Меня еще называют "Мари", так что я не возражаю, если кто-то займет эту позицию "Золотой".— Я-я понимаю... — пролепетал Цермин, как идиот.— Счастье познакомиться с вами, — сказала она, протягивая руку. Цермин просто глупо смотрел на нее, не веря, насколько изящны ее пальцы, словно тонкие подсвечники, поставленные на алтарь богов. Зерьяв толкнул его, и он, очнувшись, нервно пожал ей руку.— Вы — благословение... Я имею в виду, встреча с вами — это благословение для меня, сестра... Маригольд лишь слегка улыбнулась.— Мы все — благословение богов этого мира.— Некоторые люди могли бы поспорить. Внезапно кто-то встрял в их разговор. Никто из троих этого не ожидал. Красные туфли Каллы Лили с лязгом ударили по каменным полам, ее руки были скрещены на груди.— Не так ли, брат Мондштейн? — ее красные губы растянулись в усмешке. Зерьяв быстро встал перед Цермином, защищая его.— Вашему роду здесь не место, демоница.— А, вот, видишь, сестра? — она положила руку на плечо Маригольд.— Не все из нас — благословение для общения. Она была слишком близко, ее рука оказалась опасно близко к груди жрицы. Но вопреки ожиданиям всех остальных, сестра Маригольд не оттолкнула ее и не рассердилась. Она просто нежно убрала руку Каллы от себя и взяла ее, как хрупкую птицу.— Я бы с радостью поговорила с тобой, если тебе понадобится, дорогая подруга. Даже Калла не смогла сдержать удивления от этого неожиданного ответа.— Ты, должно быть, всегда чувствовала себя одинокой и непонятой, поэтому ты так хочешь привлечь к себе внимание. Если тебе понадобится, я буду рядом, чтобы выслушать тебя и облегчить твое одиночество. Затем она повернулась к парням.— И это неучтиво так говорить о ком-то, Зерьяв. Я знаю, многим из нас в Храме не нравятся Художники за их своевольный характер...— Но нельзя ли оказать им немного доброты? Как они могут измениться, если мы этого не сделаем? Ронен закатил глаза. Теперь он знает, какой характер у Маригольд. Она должна быть идеальной, милосердной Мэри Сью, которая в конечном итоге понравится Цермину больше всех в его гареме. Его "единственная настоящая пара".

<http://tl.rulate.ru/book/87817/4212078>